

Системный подход в советской ТМО: истоки и исход скрытой научной революции

И.А. Истомин

МГИМО МИД России

Статья призвана выявить причины зарождения, интеллектуальные истоки и эволюцию системного подхода в советской науке о международных отношениях 1970-х – 1980-х гг. Обращение к этому опыту теоретизирования востребовано в связи с интенсификацией дискуссий относительно отечественных подходов к научному осмыслению межгосударственных взаимодействий. Системный подход возник как ответ на аномалии, с которыми сталкивался марксизм-ленинизм в объяснении международной обстановки. Наибольшую опасность для его доминирующего положения создавали ослабление межимпериалистической борьбы после Второй мировой войны, сохранение капитализма и нарастание противоречий внутри социалистического лагеря. В результате даже закрепление господствующей парадигмы в качестве идеологической догмы оказалось неспособно предотвратить научную революцию. Вместе с тем она осуществлялась скрыто, а коренная ревизия маскировалась под косметическую реинтерпретацию учения. Внедрение системного подхода подготавливалось тремя путями: манипуляциями наследием основоположников марксизма-ленинизма, освоением буржуазной литературы, внедрением терминологии общей теории систем. В его становлении ведущую роль сыграли Э.А. Поздняков и М.А. Хрусталёв. Теоретики задали широкие рамки анализа на высоком уровне абстракции, с тем чтобы избежать обвинений в идейном ренегатстве. При этом они разработали оригинальную схему анализа, в ряде отношений опередив представителей буржуазной науки, с которыми находились в заочной дискуссии. Тот факт, что эти построения не всегда оказывались востребованы в прикладных исследованиях и официальном дискурсе советского руководства в 1980-х гг. также свидетельствует о нетривиальности полученных результатов. Они приводили к логически обоснованным, но политически неудобным следствиям. Обращение к опыту разработки системного подхода в СССР даёт значимые уроки для дальнейшего развития теоретической мысли в России. Он формирует интеллектуальную альтернативу ряду более обсуждаемых в отечественной науке подходов.

Ключевые слова: системный подход, марксизм-ленинизм, теория международных отношений, СССР, внешняя политика, империализм, борьба за мир, Поздняков, Хрусталёв

УДК: 327(470+571):329.15+001.891+316.75

Поступила в редакцию: 26.12.2024

Принята к публикации: 15.02.2025

В российской науке регулярно ставится задача по разработке собственной теории международных отношений (Богатуров 2000; Цыганков, Цыганков 2003; Цыганков 2014). Такие призывы усилились в 2020-х гг., когда нарастание противоборства с Западом явственно высветило риски интеллектуальному суверенитету страны (Цыганков, Цыганков 2022; Лункин 2023). Правомерность этих опасений подтверждает и известное утверждение Роберта Кокса, писавшего, что «теории создаются для кого-то и с какой-то целью» (Сох 1981).

В дискуссиях об отечественном теоретизировании с 1990-х гг. преобладают геополитические и цивилизационные объяснения (Дугин 1997; Цымбурский 2007; Подберёзкин, Харкевич 2015). На их фоне меньшего внимания удостоиваются наработки советских теоретиков в области системного подхода. Их труды практически не становятся объектами специального изучения¹. Между тем словосочетания «системный подход», «системный анализ», «система международных отношений» регулярно фигурируют в публикациях, порой без прямых отсылок к работам, опубликованным в советский период².

Настоящая статья призвана выявить причины зарождения, интеллектуальные истоки и эволюцию системного подхода в советской науке о международных отношениях 1970-х – 1980-х гг. Этот подход возник как ответ на аномалии, с которыми сталкивался марксизм-ленинизм при объяснении международной обстановки.

Становление системного подхода в исследовании международных отношений было во многом обусловлено ростом авторитета общей теории систем, которая предлагала формальную аналитическую рамку и позиционировалась как дополнение, а не альтернатива марксизму-ленинизму. При этом советские исследователи вели заочный диалог со сторонниками реалистского направления в западной науке, где параллельно развивался сходный структурный подход к анализу международных процессов.

Несмотря на значительные аналитические достоинства, представители системного подхода избегали выдвижения однозначных объяснений причин конфликтов или сотрудничества между государствами³. Они признавали, что текущая динамика международных отношений не может быть сведена исключительно к логике классовой борьбы, но и не отрицали её влияния. В отличие от

¹ Например, они не выделяются в качестве отдельного направления у А.П. Цыганкова (Цыганков 2018)

² Весомый вклад в повышение статуса системного подхода в отечественных исследованиях внёс фундаментальный труд «Системная история международных отношений. Опять разделённый мир» под ред. А. Д. Богатурова (Богатуров, 2019), выдержавший несколько переизданий. Тем не менее даже он избирательно задействует наработки советских теоретиков и не даёт их развёрнутого представления.

³ Описание принципа фальсификации и его роли в научном познании см. у Карла Поппера (Поппер 1983).

структурного реализма, советские исследователи включали в анализ не только соотношение сил, но и разбор интересов, что позволяло учесть более широкий спектр факторов, определяющих внешнеполитическое поведение государств.

Однако в практическом плане системный подход использовался в первую очередь как инструмент легитимации отказа от жёсткой увязки внешней политики государств с их классовой природой. Вне этого аспекта схемы системного анализа лишь ограниченно применялись для изучения конкретных направлений международных отношений⁴. Причины этого носили не только научный, но и политический характер: рационалистические построения системного подхода оказывались неудобными в контексте роста международной напряжённости в начале 1980-х гг.

Настоящее исследование опирается на концепцию научных революций Томаса Куна (Кун 2009: 317), согласно которой развитие научного знания носит скачкообразный характер. Периоды относительной стабильности, когда доминирующая парадигма задаёт рамки постановки научных вопросов и поиска ответов на них, сменяются фазами концептуального сдвига, радикально изменяющего теоретические ориентиры. Наличие устойчивой парадигмы обеспечивает функционирование «нормальной науки» — процесса, в рамках которого исследования направлены на уточнение и конкретизацию её положений.

Со временем в рамках любой научной парадигмы накапливаются аномалии — явления, которые не укладываются в её объяснительные схемы. Когда эти несоответствия становятся критическими, возникает необходимость смены исследовательской рамки, что знаменует собой научную революцию. В этом смысле становление системного подхода в исследованиях международных отношений в советской науке можно рассматривать как парадигмальный сдвиг, ознаменовавший отход от традиционных интерпретаций марксизма-ленинизма в сфере международных исследований.

В данном исследовании применяется герменевтический анализ текстов советских теоретиков. В качестве основного предмета изучения рассматриваются научные труды, а также внешнеполитический и академический контекст, в котором они создавались. Особое внимание уделяется работам ведущих представителей системного подхода — Э.А. Позднякова и М.А. Хрусталёва. Дополнительно, но в ограниченном объёме, используются мемуарные источники, интервью и материалы из личного общения автора с исследователями, работавшими в этот период.

Анализ начинается с реконструкции предшествующей научной парадигмы — марксизма-ленинизма, после чего выявляются аномалии, возникавшие при её применении к анализу международных отношений. Далее исследуется

⁴ См., например, Кокошин А. А. (Кокошин 1984: 304)

теоретическое обоснование системного подхода, включая его связь с текстами основоположников марксизма-ленинизма, общей теорией систем и буржуазными концепциями. Затем излагаются ключевые положения системного подхода и оценивается его влияние на дискуссии по международной проблематике 1980-х гг. В заключении будут обобщены выводы о смене научных парадигм в условиях идеологической заданности академического дискурса.

Марксистско-ленинские основания политики СССР

СССР представлял собой идеократию, добивающуюся переустройства мира на основе марксизма-ленинизма⁵. Это учение претендовало на статус научной теории, вскрывающей закономерности общественного развития. Советские руководители были убеждены, что проводимая политика должна иметь теоретическое обоснование. Обратной стороной сциентизма стал запрет на оспаривание базовых положений учения. При расхождении наблюдаемых явлений с догмой допускалась реинтерпретация её постулатов, но не отказ от них.

Применительно к международным отношениям фундаментальным постулатом изначального марксизма выступало положение о классовой природе государства (Энгельс 1937: 227)⁶. В соответствии с ним внешняя политика, как часть надстройки соответствующей формации, определяется характером производственных отношений и интересами господствующих слоёв⁷. Этот постулат обосновывал неизбежность конфликта между государствами, принадлежащими к различным историческим формациям.

Зарождение новой формации в каком-либо обществе создаёт угрозу для господствующих классов в других странах, задавая ориентир, на который начинают равняться эксплуатируемые слои. Для сохранения своих позиций сторонники прежней формации будут подавлять ростки новых общественных отношений, где бы они ни возникли (пример тому дала борьба реакционных монархий против революции во Франции) (Маркс 1935: 8). В свете этой логики Советская Россия с момента появления была обречена на противостояние капиталистическому окружению.

⁵ Одним из первых так его охарактеризовал один из лидеров русской эмиграции Н.С. Трубецкой (Трубецкой 2010), см. также Н.А. Бердяев (Бердяев 1990: 137).

⁶ См. также пояснение Ф. Энгельса к «Манифесту коммунистической партии»: «Основная мысль, происходящая красной нитью через весь “Манифест” мысль, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу её политической и умственной истории; что в соответствии с этим (со времени разложения первобытного общинного землевладения) вся история была историей классовой борьбы...» (Энгельс 1974: 7).

⁷ К. Маркс характеризовал международные отношения как «вторичные и третичные, вообще производные, перенесённые, непервичные производственные отношения» (Маркс 1958: 735).

Ещё до Октябрьской революции теорию классовой борьбы дополнила теория империализма, в разработке которой приняли участие Н.И. Бухарин (Бухарин 1918) и, что более существенно В.И. Ленин⁸. Последний ещё до своей смерти в 1924 г. был возведён в пантеон учения в качестве непререкаемого авторитета наравне с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В результате идейной основой советской государственности стала преобразованная В.И. Лениным версия – марксизм-ленинизм (Мосолов 2010).

Теория империализма указывала, что закономерным результатом развития капиталистической формации выступал её переход в монополистическую стадию, когда множество предпринимателей, действующих на свободном рынке, оказываются вытеснены банковско-промышленными конгломератами, захватывающими целые отрасли хозяйства. При этом высокий уровень обобществления производства в рамках монополий входит в противоречие с частным присвоением прибыли⁹.

Это противоречие может быть снято только через устранение частной собственности и переход от капитализма к социализму. Смене формации способствует рост общественного недовольства, вызываемый усилением эксплуатации работников для сохранения нормы прибыли. Последняя неизбежно снижается ввиду неэффективности монополий из-за отсутствия конкуренции. Тем самым, империализм представляет собой высшую стадию капитализма, подготавливающую его последующую кончину.

Особенность империалистической стадии развития капитализма — подчинение политики государств интересам монополий. Последние используют государственный аппарат, чтобы обеспечить максимальный спрос на свою продукцию путём защиты внутреннего рынка от иностранных конкурентов протекционистскими мерами и открытия доступа к внешним рынкам за счёт установления политического контроля над ними. В результате империалистические державы обречены на борьбу за раздел мира, а потом и за его передел¹⁰.

Динамика передела рынков определяется неравномерным ростом производств в отдельных странах. Более динамичные империалисты будут вытеснять слабеющих конкурентов с ранее завоёванных позиций с целью расширения спроса для собственных производств. Теория империализма делает вывод о неизбежности конфликтов между капиталистическими странами на империалистической стадии развития, а не только между государствами, принадлежащими к разным формациям.

⁸ Ленин В.И. 1917. *Империализм как новейший этап капитализма (Популярный очерк)*. Петроград: Жизнь и знание. 131 с.

⁹ Там же. С. 14–15

¹⁰ Там же. С. 91–93.

Конкуренция империалистических держав затрудняла их сплочение в единый фронт для борьбы с социализмом. Соответственно, она давала Советской России время подготовиться к будущему столкновению с ними. Расчёт на противоречия в лагере империалистов явственно проявился уже в 1918 г. при обсуждении вопроса о заключении Брестского мира с Германией. В противовес требованиям левых коммунистов продолжать войну для содействия революциям в Европе, В.И. Ленин отстаивал потребность в передышке для консолидации советской власти в России¹¹.

В дальнейшем советские руководители постоянно оценивали международную обстановку с точки зрения соотношения межклассовых и межимпериалистических противоречий. Превалирование последних давало СССР шанс на мирное развитие, усиление первых повышало угрозу внешней агрессии. Так, в 1927 г. разрыв отношений с Британией в сочетании с установлением диктатуры Ю. Пилсудского в Польше, подвёл советских руководителей к выводу о возросшей опасности нападения коалиции капиталистических стран.

Тем не менее политика СССР преимущественно строилась на эксплуатации противоречий между империалистами. Эта линия проявилась как в заключении Рапалльского договора с Германией в 1922 г., так и в попытках сближения с Францией против Германии в середине 1930-х. Представление о нарастании межимпериалистических противоречий вкупе со страхом формирования единого антисоветского фронта продолжали определять политику СССР в преддверии Второй мировой войны.

Расчёт на противоречия в капиталистическом мире сохранились и после её окончания. По советским оценкам итогом войны стало сокращение числа влиятельных империалистических держав до двух — Британии и США. Из этого делался вывод о неизбежности столкновения между ними. Видный дипломат И.М. Майский, описывая контуры будущего мира, в записке 1944 г. народному комиссару В.М. Молотову констатировал: «Совершенно очевидно, что мировая ситуация в послевоенную эпоху будет окрашена в цвета англо-американских противоречий»¹⁵.

¹¹ Ленин В. И. 1962. *Политический отчёт. Седьмой экстренный съезд РКП(б), март 1918 года*. Стенографический отчёт. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 7–24.

¹² О политике СССР в межвоенный период см. Худолей К. К. (Худолей 2018)

¹³ Объединённый Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Москва. 29 июля — 9 августа 1927 г. Резолюции пленума. О международном положении. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988)*. 1984. Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. Т. 4: 1926–1929. Москва: Издательство политической литературы. С. 175–187.

¹⁴ Сталин И. В. 1949. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. *Сочинения. Т. 11*. Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. С. 12.

¹⁵ Записка руководителя Комиссии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками, И.М. Майского народному комиссару иностранных дел В.М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Москва, 10 января 1944 г. АВП РФ Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1—41. Подлинник. Опул. в: Источник. 1995. № 4. 1.

Схожие оценки высказывал Е.С. Варга, возглавлявший Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. В 1946 г. он отмечал, что капиталистические страны после окончания войны сталкивались с дефицитом внутреннего спроса, что повышало их зависимость от экспорта. Исследователь заключал: «Борьба за сбыт на товарном рынке будет весьма ожесточённая. Эта борьба будет разыгрываться в первую очередь между США и Англией как основными конкурентами» (Варга 1946: 304)¹⁶. Он указывал, что экономическое соперничество неизбежно породит и политические столкновения.

Прогноз углубления противоречий между империалистами давал надежду на формирование благоприятной для СССР международной обстановки. И.М. Майский в этой связи утверждал, что «союзный договор, заключённый между СССР и Англией в 1942 г., имеет реальную базу для своего укрепления и развития в послевоенный период». Равным образом он предполагал сохранение дружественных отношений и с Вашингтоном. Такие расчёты обосновывались тезисом, что империалистическая экспансия США «в основном пойдёт мимо нас»¹⁷.

Способность социалистического государства оставаться над схваткой империалистов друг с другом объяснялась их заинтересованностью в привлечении СССР на свою сторону. Е.С. Варга также обосновывал оптимистические ожидания тем, что решающая роль Советского Союза в разгроме нацистской Германии привлекла на его сторону демократические силы, в том числе в капиталистических странах. Их влияние должно было помешать попыткам реакционных правительств угрожать СССР военным нападением (Варга 1946: 319).

Таким образом, марксистско-ленинское учение представляло внутренне противоречивое объяснение международных отношений. Тем не менее оно обеспечивало идейную рамку для советской политики на протяжении нескольких десятилетий. Лишь накопление расхождений между выдвигавшимися на её основе прогнозами и развитием международной обстановки породило потребность в обновлении теоретических установок.

Марксизм-ленинизм в свете аномалий

Определение как межклассовых, так и межимпериалистических противоречий в качестве источников международных конфликтов позволяло выводить из марксистско-ленинского учения различные, порой взаимоисключающие

¹⁶ Любопытно, что в начале 1920-х Варга уже прогнозировал войну между Британией и США (а также Японией) как наиболее крупными империалистическими державами (Варга 1923: 116).

¹⁷ Записка руководителя Комиссии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) СССР по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками, И.М. Майского народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. Москва, 10 января 1944 г. АВП РФ Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 145. Л. 1—41. Подлинник. Опул. в: Источник. 1995. № 4. 1.

следствия. Однако с течением времени становилось всё очевиднее, что реальное развитие международной обстановки отклоняется от прогнозов, основанных на этой теоретической модели. В терминах Т. Куна это означало накопление аномалий, противоречивших господствующей парадигме (Кун 2009: 107–108).

Наибольшую угрозу для доминирующего положения марксизма-ленинизма представляли три ключевые тенденции: ослабление межимпериалистической борьбы, устойчивость капиталистической системы и нарастание противоречий внутри социалистического лагеря. Столкнувшись с этими аномалиями, советские теоретики и государственные деятели — многие из которых в условиях идеократии сами претендовали на роль теоретиков — стремились найти объяснения, не подрывавшие фундаментальные установки марксистско-ленинской парадигмы. Действуя в логике «нормальной науки», они пытались сохранить её объяснительный потенциал, не допуская её дискредитации.

Наиболее болезненным ударом по теоретическим ожиданиям советской науки стал крах расчётов на межимпериалистические противоречия. В частности, не оправдались прогнозы относительно неизбежного американско-британского соперничества после Второй мировой войны. Напротив, США сумели утвердить безоговорочное лидерство в капиталистическом мире, исключив возможность серьёзного противостояния с Великобританией. Соответственно, не реализовался сценарий, в котором СССР мог бы сыграть роль балансирующей силы между этими державами. Напротив, бывшие союзники по антигитлеровской коалиции перешли к совместной стратегии сдерживания Советского Союза, что привело к формированию устойчивого блока западных государств, чьё единство лишь укреплялось со временем¹⁸.

Такое развитие событий потребовало ревизии ранее сделанных оценок. Уже в 1947 г. член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов на первом совещании Информационного бюро коммунистических партий признал, что мир разделился «на два основных лагеря — лагерь империалистический и антидемократический, с одной стороны, и лагерь антиимпериалистический и демократический, с другой стороны». В рамках этого деления Британия и Франция продемонстрировали готовность идти «в русле империалистической политики США в качестве их сателлитов»¹⁹.

Доклад А.А. Жданова отражал осознание того, что прежние прогнозы советской науки и политики относительно межимпериалистических противоречий не оправдались. Однако некорректность этих прогнозов можно было

¹⁸ Символом американско-британского сближения против СССР стала речь бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля в присутствии президента США Г. Трумэна в американском городе Фултон, 5 марта 1946 г. о том, что над Восточной Европой опущен «железный занавес» (Churchill W. Sinews of Peace Speech at Westminster College, Fulton, Missouri, Tuesday, March 5, 1946. URL <https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cold-war-on-file/iron-curtain-speech/> (accessed 20.01.2025))

¹⁹ Жданов А.А. 1947. *О международном положении: Доклад, сделанный на Информ. совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сент. 1947 г.* Казань: Татгосиздат. Сектор полит. лит.

объяснить не изъянами в теоретических установках, а ошибками в оценке конкретной исторической ситуации. В соответствии с ранее сформулированной марксистско-ленинской концепцией об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму консолидация капиталистического мира перед лицом укрепившегося СССР воспринималась как закономерное явление, не подрывающее основополагающих догм²⁰.

Более того, советское руководство не отказывалось от надежд на возобновление межимпериалистических противоречий. В начале 1950-х гг. И.В. Сталин прямо утверждал: «неизбежность войн между капиталистическими странами остаётся в силе»²¹. Признание другими империалистическими державами доминирующей роли США по-прежнему рассматривалось как временное явление, связанное с послевоенной перестройкой международной системы. В обоснование этой позиции приводились исторические параллели: напоминалось, что аналогичное сближение капиталистических стран после Первой мировой войны сменилось обострением межимпериалистической борьбы в 1930-х гг.²².

Более серьёзный вызов порождало сохранение капиталистической формации как таковой. В.И. Ленин представлял империализм как стадию загнивающего капитализма, за которой должна была следовать смена формаций²³. С приходом к власти в России большевики ожидали немедленного распространения революции на более промышленно развитые страны. Провал революционных выступлений в Европе 1918–1919 гг. противоречил их представлениям, потребовав перехода к лавированию между империалистическими державами, опи-санному выше (Емельянова 2018).

На протяжении 1920-х – 1930-х гг. советские авторы выискивали признаки общего кризиса капитализма, указывая на хроническую недозагрузку предприятий, массовую безработицу, нарастание общественного неравенства. В объяснение аномального, с точки зрения марксизма-ленинизма, роста экономик после Первой мировой войны выдвигалось противопоставление относительного перепроизводства в англосаксонских странах абсолютному недопроизводству в капиталистическом мире в целом (Варга 1974: 312).

Великая депрессия дала дополнительные аргументы в поддержку тезиса об углублении общего кризиса капитализма, ввиду значительного падения производства в США и Западной Европе²⁴. Вторая мировая война в понимании

²⁰ Ленин В. И. 1974. *Полное собрание сочинений*. Т. 38. Москва: Политиздат. С. 386–387.

²¹ Сталин И. В. 1952. *Экономические проблемы социализма в СССР*. Москва: Госполитиздат. С. 35.

²² Отсылки к межимпериалистическим противоречиям сохранялись в риторике советского руководства и после смерти И.В. Сталина вплоть до второй половины 1980-х годов (см. например, Брежнев Л.И. 1981. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза. XXVI Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля — 3 марта 1981 г. *Стенографический отчёт*. Т. 1. Москва: Политиздат. С. 38).

²³ Ленин В. И. 1917. *Империализм как новейший этап капитализма (Популярный очерк)*. Петроград: Жизнь и знание.

²⁴ Сталин И. В. 1939. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. *Стенографический отчёт*. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 9–10.

марксизма-ленинизма стала следствием попыток империалистов восстановить экономический рост за счёт наращивания военных расходов²⁵. Приход коммунистических сил к власти в Восточной Европе после её окончания позволил декларировать начало второго этапа общего кризиса капитализма²⁶.

Если в ходе Первой мировой войны революция в России «прорвала фронт империализма», то итогом Второй мировой стало отпадение от капиталистической системы широкого круга стран Европы и Азии²⁷. Ещё в 1930 г. И.В. Сталин заявил «что наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система»²⁸. В развитие этой идеи после 1945 г. был выдвинут тезис о формировании мировой системы социализма, охватывавшей СССР и страны народной демократии.

Высокие темпы роста советского народного хозяйства в первые послевоенные десятилетия, значительно опережавшие показатели ряда капиталистических стран, служили важным аргументом в обосновании прогрессивного характера социалистической системы по сравнению с капитализмом (Варга 1953). Оптимистические ожидания советского руководства наиболее ярко выразились в знаменитом заявлении Н. С. Хрущёва, обращённом к послам западных государств в 1956 г.: «История на нашей стороне. Мы вас похороним»²⁹.

При этом с середины 1950-х гг. рост экономики СССР замедлился. Советским специалистам сложнее стало связывать успехи капиталистических стран в развитии народного хозяйства с послевоенным восстановлением³⁰. По мере того как капиталистические страны демонстрировали устойчивые успехи в развитии своих экономик, становилось всё сложнее объяснять их достижения исключительно последствиями послевоенного восстановления³¹. В этих условиях утверждения советских экономистов о неизбежном превосходстве социалистической системы над капиталистической утрачивали прежнюю убедительность. К 1970-м гг. кризисные явления в экономике охватили

²⁵ Сталин И.В. 1939. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. Москва: Государственное издательство политической литературы.

²⁶ При этом до её начала высказывались прогнозы, что результатом второй империалистической войны станет окончательный разгром капитализма (см. Гальянов В. 1939. Международная обстановка второй империалистической войны. *Большевик*. №4. С. 49–65).

²⁷ Островитянов К.В., Шепилов Д.Т., Леонтьев Л.А., Лаптев И.Д., Кузьминов И.И., Гатовский Л.М. 1954. *Политическая экономия*. Учебник. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 189.

²⁸ Сталин И.В. 1949. Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. *Сочинения*. Т. 11. Москва: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы. С. 246.

²⁹ См. "We Will Bury You!«. 1956. *Time Magazine*. 26.11. URL: <https://time.com/vault/issue/1956-11-26/page/26/> (accesses: 25.01.2025).

³⁰ Сравни два издания труда Е.С. Варги о ситуации в капиталистических странах (Варга 1953) и (Варга 1957).

³¹ Например, в 1962 г. делался прогноз о том, что СССР перегонит США по объёму национального богатства как в валовых показателях, так и на душу населения до 1980 г., после чего «вступит в такую полосу экономического развития, которая капитализму вообще недоступна» (Иоффе, Кормнов, Покатаев 1962).

не только США и Западную Европу, но и сам Советский Союз. Западные страны сталкивались с инфляцией, энергетическими кризисами и замедлением роста, советская экономика вступила в фазу системной стагнации.

Задержка Мировой революции побудила советское руководство признать неизбежность «сосуществования на длительный период двух систем»³². Как следствие основой советской внешней политики стало мирное сосуществование. Сотрудничество с капиталистическими странами начало рассматриваться не как кратковременная передышка, а как устойчивое, предпочтительное состояние³³. Для совмещения этой ориентации с марксистской догмой мирное сосуществование позиционировалось как форма классовой борьбы.

Ещё более серьёзную аномалию для марксистско-ленинской теории представляли разногласия внутри социалистического лагеря. Согласно официальной догме, взаимоотношения между странами социалистического содружества принципиально отличались от тех, которые складывались в капиталистическом мире. Взаимодействие внутри социалистической системы рассматривалось как свободное от эксплуатации и принуждения, основанное на принципах пролетарского интернационализма, а лидерство СССР объяснялось его ролью в оказании братской помощи другим социалистическим государствам³⁴.

Однако с момента формирования мировой социалистической системы её участники неоднократно вступали в конфликты, что подрывало тезис об органическом единстве лагеря. Уже в 1948 г. противоречия между СССР и Югославией привели к исключению последней из социалистического блока, продемонстрировав возможность серьёзных расколов. Развенчание «культы личности» в 1956 г. вызвало череду кризисов: если разногласия с польским руководством удалось урегулировать путём переговоров, то в Венгрии советское руководство было вынуждено ввести войска для подавления восстания. В 1968 г. на аналогичный шаг СССР и другие социалистические страны пошли в отношении Чехословакии³⁵.

Тяжелейшим вызовом сплочённости мировой системы социализма стал советско-китайский разрыв. Китайская Народная Республика с момента создания в 1949 г. выступала второй крупнейшей социалистической державой после СССР. К концу 1950-х гг. расхождения по вопросам как внутреннего

³² Жданов А.А. 1947. *О международном положении: Доклад, сделанный на Информ. совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сент. 1947 г.* Казань: Татгосиздат. Сектор полит. лит.

³³ Лозунг «мирного сосуществования» ещё в 1920 г. выдвигал народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин, также писавший о необходимости «длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами» (Чичерин Г.В. 1958. Доклад Народного Комиссара по Иностранным Делах РСФСР на заседании ВЦИК 17 июня 1920 г. *Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г.* М-во иностр. дел СССР. Москва: Госполитиздат. С. 640).

³⁴ Сулов М. 1949. Защита мира и борьба с поджигателями войны. *Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине 1949 года.* Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 48.

³⁵ О нарастании противоречий в социалистическом лагере см. Худолей К. К. (Худолей 2018).

строительства, так и взаимодействия с капиталистическим миром обострили отношения Москвы и Пекина³⁶. В 1969 г. нарастание конфликтности вылилось в военные столкновения за остров Даманский.

Для оправдания возникающих расколов внутри социалистического лагеря советское руководство систематически обвиняло оппонентов в отходе от марксизма-ленинизма. Так, в конце 1940-х гг. югославские власти сначала были объявлены буржуазными националистами, а затем и вовсе приравнены к фашистам³⁷. В последующие десятилетия СССР критиковал линию Китая, клеймя её как догматическую и авантюристическую³⁸. Однако, несмотря на эти идеологические атаки и попытки представить политические разногласия как отклонение отдельных стран от истинного пути социализма, концептуальное обоснование единства социалистического содружества становилось всё менее убедительным. Постулат о принципиально новом, свободном от принуждения и эксплуатации характере отношений между социалистическими государствами утратил свою безусловную легитимность.

Нарастание числа аномалий подрывало господствовавшую парадигму, закладывая основания для научной революции. Вместе с тем попытки прямого отказа от марксизма-ленинизма имели бы дестабилизирующий эффект для советской государственности, а потому наталкивались на идеологические табу. В этих условиях переворот в научном осмыслении международных отношений осуществлялся скрыто — воплощавший его системный подход маскировался как дополнение марксизма-ленинизма, на деле осуществляя его ревизию.

Истоки скрытой научной революции

Попытки пересмотра теоретических подходов наметились в 1970-х гг. Им предшествовало создание в головной организации, готовившей рекомендации руководству партии и страны по внешней политике, — Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР — сектора теоретических проблем и прогнозирования. Параллельно в МГИМО возник постоянно действующий семинар по схожей тематике, из которого впоследствии выросла Проблемная лаборатория системного анализа международных отношений (Черкасов 2016: 245, 386).

Эти институциональные новации отразили запрос на новые научные объяснения, направленные на удовлетворение практических нужд выработки внешней политики. Они были тем более значимы, что ранее существование

³⁶ О причинах советско-китайского раскола см. Shen Z., Xia Y. (Shen, Xia 2015)

³⁷ Югославская компартия во власти убийц и шпионов. Резолюция информационного бюро. 1949. *Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине 1949 года*. Москва: Государственное издательство политической литературы. С. 23

³⁸ *Открытое письмо Центрального комитета КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза*. 1963. Москва: Правда. С. 49.

теории международных отношений как самостоятельной дисциплины в СССР не признавалось в принципе³⁹. В соответствии с марксизмом-ленинизмом объяснение межгосударственных взаимодействий рассматривалось в качестве производной изучения динамики мировых социально-экономических процессов.

Ключевым отступлением от догмы стало ослабление привязки внешней политики к классовой природе государства. Аргументы для прикрытия этого «еретического» сдвига изыскивались в нескольких областях, включая высказывания самих классиков марксизма-ленинизма. Благо их культ в СССР привёл к обширному изданию интеллектуального наследия, включая черновики, выступления, переписку. Манипулирование этими текстами предоставило обоснования автономии сферы международной политики от характера производственных отношений.

Так, Ф. Энгельс в одном из писем отмечал: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а всё остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счёте всегда прокладывающей себе путь». Он добавлял, что «экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, как это для удобства кое-кто себе представляет, а люди сами делают свою историю, однако в данной, их обуславливающей среде» (Энгельс 1966: 175).

Из этих пассажей вытекало, что при осмыслении международной политики в рамках отдельного исторического этапа эвентуальное воздействие экономической необходимости допустимо вынести за скобки. Оправданность этого шага подкреплялась тем, что сосуществование капиталистической и социалистической систем уже признавалось в качестве устойчивого состояния. Следовательно, характер классовых отношений можно было принимать как константу применительно к изменчивой динамике межгосударственных взаимодействий.

Не менее ценной стала цитата В.И. Ленина в полемике с Л.Д. Троцким и Н.И. Бухариным: «Политика есть концентрированное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма»⁴⁰. Из этого утверждения следовала уже не просто автономность политических взаимодействий по отношению к социально-экономическому базису, но возможность их закрепления в качестве центрального объекта исследований международных отношений.

Пионером ревизии марксизма-ленинизма выступил Э.А. Поздняков. Подчёркивая, что политика отражает глубинные экономические интересы, он оговаривался, что уровень осознания последних отдельными политическими силами

³⁹ Легитимации дисциплины способствовала серия круглых столов, организованных ИМЭМО, результаты которых освещались на страницах институтского журнала, см. (Проблемы... 1969a; Проблемы... 1969b).

⁴⁰ Ленин В.И. 1970. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. *Полное собрание сочинений*. Т. 42. Москва: Издательство политической литературы. С. 278.

варьируется. Из этого он выводил, что международная политика в конечном счёте, выражающая базисные отношения, приобретает «специфическую форму, не совпадающую с лежащей в её основе социально-экономической структурой мира» (Поздняков 1976: 39). Следствием такого утверждения было требование изучения присущих именно ей закономерностей.

Таким кружным путём Э.А. Поздняков легитимировал в терминах марксизма-ленинизма реалистскую идею об автономии политической сферы. Она позволяла концентрироваться на межгосударственных взаимодействиях без необходимости их непосредственной увязки с классовой борьбой. Фактически он повторил ту работу обособления политики, которую применительно к её отношениям с моралью в американской теории осуществил основоположник реализма Ганс Моргентау (Morgenthau 1948).

Сближение советских подходов с американскими было неудивительным. США выступали основным противником СССР в ходе Холодной войны, а следовательно их всестороннее изучение, в том числе на предмет интеллектуальных воззрений, составляло предмет пристального внимания. В этой связи критика американских теорий стала особым жанром исследовательских публикаций в СССР (Гантман 1976). Схожим образом, и в западной науке того периода приоритетное внимание уделялось разбору советских подходов к международным отношениям.

При этом в СССР исследователи не могли полностью отречься от ряда догм, несмотря ни на какую словесную эквилибристику. Более того, ввиду длительного опыта социализации специалистов в рамках марксистско-ленинского учения, они не низводились до ритуальных упоминаний. Например, исследователи продолжали отсылать к разделению мира на две системы, противопоставляя мировую систему капитализма и мировую систему социализма (Лабетский 1975; Гантман 1984). Смешение различных теоретических логик размывало строгость объяснений и затуманивало научные тексты.

Параллелизм советского и американского теоретизирования проявлялся не только в укоренении реалистского взгляда. Он также нашёл отражение во внедрении структурно-системных идей. Симптоматично, что главным объектом советской критики были буржуазные авторы, активно разрабатывавшие понятие «системы», включая М. Каплана (Kaplan 1957), Ч. Макклелланда (McClelland 1968), Дж. Модельски (Modelski 1962). Их работы превосхитили появление книги «Теория международной политики» К. Уолтца, закрепившей доминирование структурной теории в зарубежных исследованиях (Waltz 1979).

С учётом трудностей пробивания теоретических трудов сквозь политические фильтры (Косолапов 2021) выбор соответствующего буржуазного автора объектом для критики уже свидетельствовал о признании его достойным оппонирования. Концентрация на сторонниках структурного подхода

в американской теории международных отношений помогала осветить его характерные черты. Вместе с тем источником идей для советских исследователей выступали не только они, но и труды по общей теории систем (ОТС).

Её основоположником признавался Людвиг фон Берталанфи, утверждавший, что сложные системные объекты в различных областях жизни функционируют на основе схожих закономерностей (принцип изоморфизма) (Bertalanffy 1968). При этом ранее схожую мысль высказывал А.А. Богданов (Богданов 1917). Хотя разработанная им новая научная дисциплина тектология подвергалась остракизму в СССР 1920-х гг., в том числе со стороны В.И. Ленина, к 1970-м гг. она была реабилитирована. В этот период в СССР наметился бум интереса к ОТС⁴¹.

Он был обусловлен осознанием трудностей управления общественными и техническими процессами, значимости нелинейных, синергетических эффектов в различных областях жизни (Гвишиани 2023: 103–113). В этом контексте оформился запрос на холистско-синкретическое осмысление, учитывающее разнородные воздействия на изучаемые объекты. ОТС удовлетворяла его, помещая в фокус рассмотрения принцип целостности. Он подразумевал несводимость свойств целого к совокупности характеристик его частей (Блауберг, Юдин 1973: 15).

При этом ОТС оставалась субстантивно нейтральной: она не предписывала конкретных переменных для объяснения явлений, а задавала лишь методологическую рамку мышления⁴². ОТС указывала, что упорядочивание элементов в системе задаёт внутреннюю структуру, которая порождает те самые эмерджентные свойства целого, невыводимые из его частей. Кроме того, на систему оказывает воздействие окружающая её среда, и она сама выступает средой применительно к составляющим её элементам, в свою очередь представляющим из себя подсистемы.

Абстрактность этих построений помогала обосновать их совместимость с марксизмом-ленинизмом. Советские исследователи доказывали, что основоположники учения прибегали к концепции целостности в своих рассуждениях. Это позволило причислить их к сторонникам системного подхода, хотя они не упоминали его в своих работах. Так, В.Н. Садовский утверждал: «В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина детально разработаны принципы философского теоретического описания развития сложного объекта – органичного целого» (Садовский 1974: 7).

Опора на ОТС позволяла оправдать анализ функционирования системы международных отношений через её внутреннюю структуру, тем самым представляя обоснование для объяснения политических процессов политическими

⁴¹ См., например, работы Блауберга И.В., Юдина Э.Г. (Блауберг, Юдин 1973), Садовского В.Н. (Садовский 1974).

⁴² На это обращал внимание, в частности, такой представитель системного подхода в исследованиях международных отношений, как М.А. Хрусталёв (Хрусталёв 1987: 20).

же причинами, а не исключительно экономическим базисом. Такой подход фактически подводил к ревизии устоявшейся в советской науке концепции, согласно которой внешняя политика государства должна была выводиться из экономических закономерностей, определяемых характером производственных отношений. В этом смысле системный подход в исследовании международных отношений стал активно заимствовать терминологию ОТС (Хрусталёв 1987: 19), поскольку её высокий уровень абстракции позволял оставаться в рамках марксистско-ленинской традиции, избегая явного разрыва с догматическими постулатами.

Таким образом, научная революция в области международных исследований в советской науке готовилась сразу по трём направлениям: путём переосмысления марксистско-ленинского наследия, изучения буржуазных концепций, преимущественно реалистской ориентации и внедрения терминологии общей теории систем. В результате их синтеза сформировалась концепция, получившая название «системного подхода», который со временем приобрёл в отечественной науке почти сакральный статус⁴³. Тем не менее его содержательные положения все ещё не подверглись значительной рефлексии.

Тернии построения системного подхода

Наибольший вклад в разработку системного подхода в советской теории международных отношений внесли Э.А. Поздняков (Поздняков 1987) и М.А. Хрусталёв (Хрусталёв 1987). Они представляли два ведущих научных центра СССР: Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Между этими институтами существовали значительные различия в исследовательских приоритетах и подходах.

ИМЭМО имел более широкий доступ к зарубежной литературе, что позволяло его сотрудникам заниматься теоретическими разработками без непосредственной привязки к текущим политическим задачам. В свою очередь, в МГИМО акцент делался на создании операциональных моделей, предназначенных для решения прикладных аналитических задач в области внешней политики (Хрусталёв 2006).

Эта дифференциация прослеживалась в попытках формализации теории, предпринятых М.А. Хрусталёвым, которые отсутствовали у Э.А. Позднякова. В свою очередь в труде последнего присутствовала развёрнутая полемика с буржуазными авторами. Хотя работа М.А. Хрусталёва появилась уже после

⁴³ Широту употребления выражения «системный подход» демонстрируют работы, включающие его и его производные в название: Цыганкова П.А. (Цыганков 2003; Цыганков 2013), ; Дегтерёва Д.А., Истомина И.А. (Дегтерёв, Истомин 2015), Стрежневой М.В. (Стрежнева 2020).

начала «перестройки», он избегал отсылок к зарубежным исследованиям так же, как и к книге Э.А. Позднякова. Тем не менее произведение М.А. Хрусталёва обеспечивало дальнейшую разработку и детализацию положений труда Э.А. Позднякова.

Начальной посылкой обоих авторов выступало представление изучаемого объекта в качестве системы, состояние которой определяется составом её элементов, структурой взаимосвязей между ними и взаимодействием со средой⁴⁴. При этом Э.А. Поздняков определял в качестве объекта исследования межгосударственные отношения, оговариваясь, что ими многообразие международных отношений не исчерпывается (Поздняков 1976: 36). Они формируют одну из подсистем, наряду, например, с системой мировых социально-экономических отношений.

М.А. Хрусталёв игнорировал такое разграничение, оперируя понятием системы международных отношений. В то же время в качестве её системообразующих элементов он определял государства (Хрусталёв 1987: 36), хотя и признавал наличие других типов элементов (включая на разных исторических отрезках племена, мировые религии, партии). Как следствие, систему международных отношений у М.А. Хрусталёва можно отождествлять с системой межгосударственных отношений у Э.А. Позднякова⁴⁵.

Признание центральной роли государств в международных отношениях и оттеснение на задний план социальных классов стало дополнительным свидетельством сближения советских исследователей с реалистами в буржуазных исследованиях⁴⁶. Парадоксально, что оно наметилось ровно в тот момент, когда в зарубежной науке усилилась критика государствоцентризма и началось становление транснационалистского направления (Nye, Keohane 1971). По этому вопросу теории международных отношений в СССР и США развивались в противофазе.

Характерной чертой системного подхода в интерпретации Э.А. Поздняков и М.А. Хрусталёва была приоритезация изучения структуры взаимосвязей между элементами. Придание ей самостоятельной объяснительной силы отражало влияние ОТС в противовес элементаризму, сводящему анализ целого

⁴⁴ Такую типологию они заимствовали из ОТС (Садовский 1974). При этом представление взаимодействия государств в качестве системы опиралось на утверждение В.И. Ленина: «Люди живут в государстве, а каждое государство живёт в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия» (Ленин В.И. 1970. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. Полное собрание сочинений. Т. 42. Москва: Издательство политической литературы. С. 59).

⁴⁵ М.А. Хрусталёв также поместил систему международных отношений в оригинальную общесистемную классификацию, построенную на матричном конфигураторе (Хрусталёв 1987: 22–35).

⁴⁶ Оправданием такой ревизии с точки зрения марксизма-ленинизма выступало утверждение Ф. Энгельса о том, что государство есть «сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него» (Энгельс 1937: 225).

к разбору его составляющих. В привлечении внимания к структуре системы Э.А. Поздняков на несколько лет опередил книгу К. Уолтца «Теория международной политики», обосновавшую ту же мысль в зарубежной науке (Waltz 1979).

При этом советские исследователи критиковали структурные построения в работах буржуазных авторов за статичность и антиисторичность теоретизирования. В этом проявлялась их привязка к марксизму-ленинизму, постулировавшему зависимость логики общественных процессов от конкретно-исторических условий. Тем самым они предвосхитили не только уолтцевский неореализм, но и его критиков в зарубежной науке, обвинявших этот подход в неспособности объяснять изменения (Ruggie 1983).

Э.А. Поздняков защищался от аналогичных обвинений, вводя разграничение структуры-инварианта, которая выражает «идею всеобщей формы, характеризующей устойчивость системы вообще» (Поздняков 1976: 54), и структур-вариантов, отражающих специфику связи элементов в отдельный исторический период. Оставив анализ последних на откуп эмпирическим исследованиям, в качестве инвариантных характеристик системы межгосударственных отношений он выделил центросиловые отношения и узлы противоречий.

Исследователь не дал чёткого определения центросиловых отношений. Ближе всего он подошёл к дефиниции, когда заключил, что «это системно-структурная характеристика, возникающая благодаря взаимодействию государств и в результате такого взаимодействия» (Поздняков 1976: 60). Из этого утверждения и приводимых примеров, вытекает, что рассматриваемая категория выражает состояние отношений между наиболее значимыми элементами в системе. Критерием определения значимости, по-видимому, выступает материальный потенциал, хотя прямо исследователь этого не указал.

Э.А. Поздняков уклонился и от объяснения того, что определяет характер взаимодействия элементов. Поставив этот вопрос, он тем не менее заключил: «Ответ на него надлежит искать уже в значительной степени вне сферы системы межгосударственных отношений и её структуры. Структурный анализ сам по себе не может ни вскрыть, ни объяснить социально-экономического содержания центросиловых отношений того или иного конкретно-исторического периода развития системы» (Поздняков 1976: 60).

Теоретик более конкретно охарактеризовал узлы противоречий, определив их «как относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обострённостью отношений и конфликтностью, нестабильностью» (Поздняков 1976: 62). Опять же Э.А. Поздняков не раскрывает причин, обуславливающих формирование этих структурных образований, не даёт ответа на вопрос, почему возникают те или иные узлы противоречий?

В дополнение к двум описанным характеристикам Э.А. Поздняков также определил место международно-политических организаций, учреждений и международно-правовых норм в системе межгосударственных отношений.

Их он отнёс к надстройке над её структурой. С учётом того, что сама система межгосударственных отношений занимает надстроечное положение по отношению к системе мировых социально-экономических отношений, они оказываются надстройкой надстройки (Поздняков 1976: 64).

Предложенное Э.А. Поздняковым понимание структуры, явно опирающееся на положения ОТС, имеет дескриптивную ценность, но не позволяет решать объяснительных, а тем более прогностических задач. Как позже указал К. Уолтц, в исследовании международных отношений некорректно относить к структурным характеристикам связи между государствами (Waltz 1979). Иначе возникает замкнутый логический круг: взаимодействия определяются структурой, которая в свою очередь задаётся взаимодействиями.

Хотя предложенное Э.А. Поздняковым описание структуры существенно отличалось от реалистических концепций, преобладавших в западной науке, последующее развитие его аргументации во многом сглаживало этот разрыв. Ключевую роль в этом процессе играло его обращение к категории соотношения сил, которую он рассматривал как центральный элемент «в системе понятий, определяющих функционирование и развитие системы межгосударственных отношений» (Поздняков 1976: 93). Согласно его подходу, изменения в соотношении сил, выводящие систему из состояния динамического равновесия, являются основным фактором возникновения структурных кризисов.

Поздняков выделял два возможных исхода таких кризисов. В случаях, когда нарушение равновесия обусловлено действиями государств, это приводит к усилению конфликтности, однако не трансформирует систему на качественном уровне. Существенные изменения в её структуре происходят лишь тогда, когда утрата динамического равновесия обусловлена трансформациями в глобальных социально-экономических отношениях (Поздняков 1976: 102). Таким образом, развитие производительных сил предопределяет фундаментальные сдвиги в системе, но не объясняет её текущее функционирование.

Фокусировка на категории соотношения сил сближала концептуальные построения Э.А. Позднякова с реалистической традицией в западной теории международных отношений в большей степени, чем это могло показаться из его первоначального описания структуры системы. Впоследствии именно эту переменную К. Уолтц определил в качестве ключевой структурной характеристики международной системы. Однако, в отличие от советских исследователей, американские теоретики, включая Уолтца, не рассматривали закономерности трансформации системы, поскольку в целом пренебрегали её связями с внешней средой⁴⁷.

⁴⁷ Впоследствии, отчасти, логику Э.А. Позднякова в западной науке воспроизвёл Р. Гилпин, связавший смену систем с изменениями в потенциалах, обусловленных неравномерностью экономического роста (Gilpin 1981).

Другим важным отличием системного подхода, развиваемого в СССР, от структурного реализма стало сочетание анализа воздействия структуры системы на её элементы с изучением их обратного влияния на систему. Диалектический характер этих взаимосвязей обосновывался отсылкой к марксистскому принципу, согласно которому люди создают историю, хотя и в обстоятельствах, которые не выбирают самостоятельно (Маркс 1957: 119). В западной науке эта идея была институционализирована лишь в 1980-х гг. в рамках теории структуризации (Giddens 1984), а её применение к международным отношениям стало возможным благодаря работам А. Вендта (Wendt 1987). При этом Уолтц полностью исключал теоретическое объяснение внешней политики из рамок своей теории (Waltz 1979).

В советской научной традиции вопрос о влиянии элементов системы на её структуру был поставлен уже Э.А. Поздняковым, который отмечал, что «для более глубокого понимания сущности функционирования и развития системы необходимо знание не только общесистемных движущих сил, но и движущих сил внешней политики государства» (Поздняков 1976: 111). Впоследствии М.А. Хрусталёв разработал детализированную схему анализа внешнеполитической программы (Хрусталёв 1984), сделав её центральным элементом своих исследований. В результате он сместил фокус системного подхода с анализа международных отношений в целом на изучение внешней политики как основной сферы его применения⁴⁸.

Оба советских исследователя закрепляли в качестве определяющей характеристики внешней политики государства интерес, представляющий собой осознанную потребность. При этом М.А. Хрусталёв отмечал, что потребности сами выражают три группы объективных факторов, таких как внутренняя социальная среда, внешняя социальная среда, внешняя природная среда (Хрусталёв 1984: 11). В свою очередь каждая из этих групп включает множество компонентов.

Внутренняя социальная среда задаётся демографической, народохозяйственной и политической структурой общества, а также структурой государственного аппарата. Внешняя социальная среда, по М.А. Хрусталёву, определяется состоянием сопредельного окружения, блоковой принадлежностью государства, его интегрированностью в систему международных отношений, состоянием и тенденциями развития этой системы⁴⁹. В свою очередь природная среда охватывает географическое положение страны, территорию и природные богатства.

⁴⁸ Структура международных отношений в книгах М.А. Хрусталёва оказывалась производной от сочетания внешнеполитических программ составляющих элементов. Её разработке места практически не выделялось. В этой связи в терминологии К. Уолтца подход к международным отношениям М.А. Хрусталёва представлялся скорее редукционистским, чем структурным.

⁴⁹ Нетрудно заметить, что понятие внешней социальной среды для государства должно отчасти, хотя и неполностью задаваться системой международных отношений, а значит и структурой данной системы. Тем не менее, М.А. Хрусталёв нигде прямо этот вывод не делает.

Осознание, через призму которого потребности преобразуются в интересы, определяется факторами общественного, группового и индивидуального сознания. Среди них государственная идеология, исторические и культурные традиции общества, политико-идеологические и социально-культурные особенности руководителей государства. В результате их влияния какие-то потребности могут быть не осознаны в качестве интересов. При этом осознанным может придаваться различная степень значимости, разделяя их на главные, основные и второстепенные.

Дальнейшая конкретизация интересов с учётом имеющихся ресурсов осуществляется через формулирование целей. Согласно М.А. Хрусталёву, результативность внешней политики определяется степенью реалистичности целеполагания в контексте ресурсного обеспечения. В этом отношении он выделяет два типа ресурсов: ресурсы-средства (материальные и информационные) и ресурсы-условия (пространство и время) (Хрусталёв 1984: 44)⁵⁰. Данная классификация восполняет теоретический пробел, оставленный Э.А. Поздняковым при анализе соотношения сил, поскольку в его концепции отсутствовало объяснение методов его определения и измерения.

На основе анализа внешнеполитической программы Хрусталёв формирует схему взаимодействия государств, которая фактически отражает его представление о структуре системы, хотя он прямо не использует этот термин. Данная схема включает два ключевых компонента: проблемный, фиксирующий соотношение интересов, и ресурсный, описывающий соотношение сил (Хрусталёв 1987: 111). Таким образом, Хрусталёв концептуализировал и терминологически оформил аспекты, которые в работе Э. А. Позднякова оставались недостаточно разработанными.

Проблемный компонент даёт более глубокое понимание природы узлов противоречий, связывая их со столкновением интересов различной степени значимости. Противоречие в сфере главных интересов формирует жёсткий антагонизм, который может быть разрешён исключительно силовыми методами. Столкновение главного интереса с основным или даже второстепенным порождает мягкий антагонизм, который, хотя и не носит фатального характера, может перерасти в вооружённое противостояние вследствие ошибок в стратегических расчётах сторон. В иных случаях противоречия обладают неантагонистическим характером и, следовательно, с высокой вероятностью поддаются урегулированию в рамках переговорного процесса (см. Табл. 1).

⁵⁰ В более поздней работе исследователь добавил ещё один компонент в классификацию – организационный ресурс (Хрусталёв 2008).

Таблица 1. Матрица соотношения интересов государств I и II
Table 1. Balance of interests matrix of sates I and II

I \ II	AI Главный	BI основной	BIII второстепенный
AI главный	AI / AI	AI / BI	AI / BII
BI основной	BI / AI	BI / BI	BI / BII
BIII второстепенный	BI / AI	BI / BI	BI / BII

Источник: Хрусталёв 1987: 101–103.

Фактически в концепции М.А. Хрусталёва соотношение интересов становится центральной и наиболее детализированной структурной характеристикой. В этом заключается принципиальное отличие его теоретической модели от подходов Э. А. Позднякова, а также от структурного реализма, развитого в буржуазной науке. При этом соотношение ресурсов в его схеме служит операционализацией категории соотношения сил, позволяя разложить её на отдельные составляющие и тем самым повысить аналитическую точность модели. Впоследствии Хрусталёв дополнил данную структуру третьим компонентом — политико-психологическим климатом, который определяется векторами взаимных восприятий государств (Хрусталёв, 2008).

Таким образом, в сравнении со структурными теориями, распространёнными в буржуазной науке, прежде всего в рамках неореализма, советская традиция теоретизирования предлагала более многосложное представление о системе международных отношений. В отличие от неореалистического подхода, который постулировал однонаправленное влияние структуры на поведение акторов, советская концепция исходила из взаимозависимости структуры и её элементов, а также из многокомпонентного понимания самой структуры. Итогом развития системного подхода в СССР стало формирование целостной теоретической модели, наиболее полно воплощённой в трудах М.А. Хрусталёва.

Системный подход в прикладных оценках международной обстановки

Логика идеократии не только требовала, чтобы практическая деятельность опиралась на научную базу, но предполагала и обратную зависимость – теоретизирование должно было выступать не отвлечённым познанием, а основой для принятия решений. Разработчики системного подхода в СССР – это хорошо осознавали. Тем не менее приложение их научных построений к решению прикладных задач осмысления текущей международной обстановки наталкивалось на серьёзные препятствия.

Познавательная ценность системного подхода ограничивала сложность и высокий уровень абстракции формулируемых схем. Его авторы неохотно выдвигали субстантивные предположения относительно закономерностей в системе международных отношений. В этом они отличались и от зарубежных теоретиков, отделявших более стабильные варианты структур от менее

стабильных, и от основоположников марксизма-ленинизма, объяснявших динамику межгосударственных взаимодействий межклассовыми и межимпериалистическими противоречиями⁵¹. Разработчики системного подхода в СССР ясно осознавали этот принцип. Однако практическое применение их концептуальных построений к анализу текущей международной обстановки сталкивалось с серьёзными затруднениями.

Основным ограничением познавательной ценности системного подхода выступали его высокая степень абстракции и сложность формулируемых теоретических схем. Авторы концепции проявляли осторожность в выдвижении субстантивных предположений о закономерностях функционирования системы международных отношений⁵². В этом отношении их подход отличался как от западных теоретиков, которые стремились дифференцировать более стабильные и менее стабильные варианты структур, так и от классиков марксизма-ленинизма, интерпретировавших динамику межгосударственных взаимодействий через призму межклассовых и межимпериалистических противоречий.

В результате исследователи, занимавшиеся прикладным анализом актуальной международной обстановки, апеллировали к системному подходу главным образом как к инструменту обоснования отхода от объяснения межгосударственных взаимодействий через призму классовой борьбы. Используя его для защиты от марксистско-ленинской ортодоксии, они лишь в ограниченной степени прибегали к оригинальным объяснительным схемам, разработанным теоретиками системного подхода. Симптоматично, что при этом они зачастую избегали специфической терминологии, характерной для данной концепции.

Показательный пример представляет работа А.А. Кокошина, посвящённая анализу положения США в системе международных отношений. Уже сама постановка темы свидетельствовала о стремлении автора рассматривать межгосударственные взаимодействия в их целостности и взаимосвязи. В то же время Кокошин дистанцировался от классовых объяснений, принятых в марксистско-ленинской традиции, и декларировал ориентацию на структурные характеристики как основу анализа политики США. В качестве таковых он выделял соотношение сил и систему взаимосвязей Соединённых Штатов с другими государствами (Кокошин 1984: 9).

При этом, хотя в книге встречаются упоминания центров силы и локальных конфликтов (Кокошин 1984: 6–8), она не использует ни категорию центросиловых отношений, ни понятие узла противоречий, предложенные

⁵¹ Показательно в этом отношении указание Л.И. Брежнева на XXV съезде КПСС: «Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперёд. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня – одна из центральных проблем» (Брежнев Л.И. 1976. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXV съезда КПСС*. Москва: Издательство политической литературы. С. 73).

⁵² М.А. Хрусталёв связывал это с опорой на ОТС, которая априори концентрировалась на описании форм, а не на оценке сущности взаимодействий (Хрусталёв 1987: 20). Вернее было бы объяснить это угрозой обвинений в отрыве от марксизма-ленинизма со стороны догматиков.

Э. А. Поздняковым. Более того, Кокошин лишь однажды, в самом начале работы, ссылается на труды Позднякова, а также на совместную книгу М.А. Хрусталёва, и то лишь в контексте обсуждения влияния научно-технической революции на рост взаимозависимости (Кокошин, 1984: 3). Он также сознательно избегает употребления понятия «интерес», которое занимает центральное место в концептуальном аппарате системного подхода.

Выбор терминологии в данном случае представляется осмысленным. В книге прямо утверждается, что политика США противоречит их подлинным нуждам, а это расхождение объясняется влиянием узко-групповых интересов, прежде всего представителей военно-промышленного комплекса. В этой связи Кокошин делает вывод, что «деятельность администрации в военно-политической сфере подчинена узко-групповым интересам части господствующего класса и военной верхушки» (Кокошин 1984: 68)⁵³.

Обострение международной обстановки, гонка вооружений и распад политики разрядки на рубеже 1970–1980-х гг. в книге Кокошина объяснялись деятельностью агрессивно настроенных кругов, связанных с военно-промышленным комплексом. Именно с их влиянием связывалось возрастание рисков ядерной войны. Им противопоставлялись группы более «реалистично настроенных» элит в США, а также правительства ряда капиталистических стран, выступавшие за снижение международной напряжённости, развитие диалога и восстановление отношений с СССР (Кокошин 1984: 63–67, 88).

В рамках системного подхода признавалось, что политическое руководство не всегда адекватно оценивает международную обстановку. В этом контексте М. А. Хрусталёв вводил понятие мнимых интересов, которые могут не соответствовать реальным потребностям государства (Хрусталёв 1984: 61–63). Однако объяснение внешней политики через призму влияния узких групповых интересов расходилось с концептуальными установками системного подхода, ориентированного на выявление структурных факторов и рациональных закономерностей. Такой подход неизбежно предполагал, что проводимая политика является стратегически ошибочной, поскольку не учитывает объективные параметры международной системы и долгосрочные интересы государства.

Аналогичный подход к объяснению причин конфронтации отражался и в официальных оценках советского руководства. Так, Л.И. Брежнев ещё на XXVI съезде КПСС в 1976 г. подчёркивал, что развитию советско-американских отношений препятствуют «влиятельные силы в США, не заинтересованные ни в улучшении отношений с СССР, ни в разрядке международной напряжённости в целом»⁵⁴. На следующем съезде он ужесточил

⁵³ Один из редких примеров, когда это слово использовалось в книге. Показательно, что оно относилось не к государству, а к отдельной группе элит.

⁵⁴ Брежнев Л.И. 1976. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXV съезда КПСС*. Москва: Издательство политической литературы. С. 21.

риторику, возложив ответственность за эскалацию напряжённости на «наиболее агрессивные круги империализма» и американский военно-промышленный комплекс⁵⁵.

Смена политического руководства не внесла принципиальных изменений в советский дискурс. В 1982 г., на фоне подготовки к размещению американских ракет средней дальности в Европе, Ю.В. Андропов утверждал, что на Западе «активизировались наиболее воинственные группировки, чья классовая ненависть к социализму берёт верх над чувством реальности, а подчас и просто над здравым смыслом»⁵⁶. Спустя полгода он вновь акцентировал внимание на росте агрессивности «ультрареакционных сил во главе с империализмом США»⁵⁷.

М.С. Горбачёв после прихода к власти также возлагал ответственность за продолжение конфронтации на «правящие круги США»⁵⁸. Даже спустя год, несмотря на некоторое снижение международной напряжённости, он предупреждал: «Локомотивом милитаризма остаются США, их военно-промышленная машина, которая пока не собирается сбрасывать обороты»⁵⁹. В своих выступлениях Горбачёв также ссылаясь на «правую группировку, пришедшую к власти в США», а также её «основных попутчиков» как главных инициаторов отхода от политики разрядки в пользу военно-силового противостояния⁶⁰.

Подобные оценки советского руководства во многом были обусловлены предшествующим политическим курсом, сформировавшимся в начале 1970-х гг., когда СССР инициировал разрядку в отношениях со странами Запада. Достижение договорённостей с США поставило под сомнение прежний тезис о неизбежно агрессивной природе империализма. В официальной советской риторике утвердилось представление о том, что движение в сторону прочного мира является объективной исторической тенденцией, обусловленной изменением глобального соотношения сил в пользу социалистической системы⁶¹. Однако последовавшее в конце 1970-х гг. обострение международной напряжённости поставило советское руководство перед концептуальной дилеммой.

⁵⁵ Брежнев Л.И. 1981. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза. *XXVI Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 23 февраля — 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. Т. 1*. Москва: Политиздат. С. 38.

⁵⁶ Андропов Ю.В. 1983. Шестдесят лет СССР. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлёвском дворце съездов 21 декабря 1982 года. Андропов Ю.В. *Избранные речи и выступления*. Изд. 2. Москва: Издательство политической литературы. С. 15.

⁵⁷ Андропов Ю.В. 1983. Речь Генерального секретаря ЦК КПСС. *Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14-15 июня 1983*. Москва: Политиздат. С. 23.

⁵⁸ Горбачёв М.С. 1985. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. *Материалы пленума ЦК КПСС. 23 апреля 1985 г.* Москва: Издательство политической литературы.

⁵⁹ Горбачёв М.С. 1986. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза*. Москва: Политиздат. С. 64.

⁶⁰ Горбачёв М.С. 1986. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза*. Москва: Политиздат. С. 63.

⁶¹ Брежнев Л.И. 1976. Отчётный доклад Центрального комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. *Материалы XXV съезда КПСС*. Москва: Издательство политической литературы. С. 16.

С одной стороны, совсем недавно было заявлено, что возросшая мощь СССР сделала мирное сосуществование безальтернативным, в том числе и для капиталистических стран. Следовательно, возвращение к тезису о неизбежной агрессивности империализма выглядело бы противоречивым. С другой стороны, политические соображения ограничивали возможность объяснения изменений в международной обстановке с позиций системного подхода. Его логика предполагала, что международные процессы, в конечном счёте, подчиняются объективным структурным требованиям.

В период разрядки такая концептуальная установка позволяла обосновывать более оптимистичные сценарии мирового развития, противопоставляя их теориям империализма и классовой борьбы. Однако в условиях нарастания конфронтации этот же принцип мог привести к нежелательному для советской пропаганды выводу: если международная система объективно детерминирует политические процессы, то агрессивный курс США не является произвольным, а представляет собой рациональную реакцию на структурные изменения. Именно поэтому советское руководство предпочло акцентировать внимание на деятельности отдельных реакционных группировок, связанных с военно-промышленным комплексом. Такой подход позволял трактовать конфронтацию как отклонение от объективного тренда на мирное сосуществование, не отказываясь при этом от базового тезиса о поступательном историческом движении к укреплению мира.

Однако такой подход фактически означал отход от марксистско-ленинской традиции в пользу концепций, близких к воззрениям английского либерала Джона Гобсона. Именно из его работ В.И. Ленин заимствовал понятие империализма, подвергнув его критическому осмыслению (Hobson 1902). Хотя Ленин признавал аналитическую ценность исследования Гобсона в отношении монополистической стадии капитализма, он отвергал объяснение агрессивной внешней политики капиталистических государств через призму частных экономических интересов отдельных монополистов. С точки зрения ленинизма, империализм являлся не результатом действий узких элитных групп, а закономерным этапом исторического развития капиталистической системы в целом⁶².

В то время как сторонники системного подхода ориентировались на концепции структурного реализма, заимствуя их аналитические схемы для собственных исследований, советское руководство и обслуживавшие его запрос прикладные исследования эволюционировали в направлении либеральных объяснений международных отношений⁶³. Хотя официальная риторика сохраняла отсылки к категории соотношения сил, фактически анализ международной динамики всё чаще сводился к внутривнутриполитической борьбе в США и других странах Запада.

⁶² Ленин В.И. 1917. *Империализм как новейший этап капитализма (Популярный очерк)*. Петроград: Жизнь и знание. С. 110.

⁶³ О содержании либеральной теории международных отношений см. (Moravcsik 1997).

Заключение

Опыт становления системного подхода наглядно демонстрирует, что даже закрепление доминирующей парадигмы в качестве идеологической догмы не способно предотвратить научные революции. Накопление аномалий неизбежно ведёт к пересмотру теоретических оснований осмысления действительности. Однако в условиях жёсткого идеологического контроля этот процесс принимает скрытый характер: радикальная ревизия научных концепций маскируется под их косметическую реинтерпретацию.

В таких условиях новая теоретическая рамка формулируется преднамеренно размыто и амбивалентно, что позволяет избежать обвинений в идейном отступничестве со стороны сторонников прежней ортодоксии. Однако этот компромиссный характер затрудняет операционализацию новых концептов и усложняет уточнение условий их фальсифицируемости. В результате идеологический догматизм, хотя и не останавливает развитие научного знания, существенно ограничивает его аналитический потенциал.

Советские теоретики международных отношений шли именно по такому пути. Системный подход позиционировался ими как дополнение, а не альтернатива марксизму-ленинизму, несмотря на его явное отступление от постулата о центральной роли производственных отношений и классовой борьбы в формировании внешней политики государств. Для минимизации идеологических рисков его разработчики придерживались высокой степени абстракции и задавали широкие рамки анализа, позволяя избежать обвинений в идейной непоследовательности.

Тем не менее их работы представляют собой оригинальную концептуальную схему, в ряде аспектов опередившую разработки западных исследователей, с которыми они находились в заочной дискуссии. Тот факт, что эти теоретические построения не всегда находили применение в прикладных исследованиях и официальном дискурсе советского руководства, свидетельствует не о их тривиальности, а скорее о том, что они вели к неудобным для властной парадигмы выводам о направлении развития международной обстановки.

Обращение к опыту развития системного подхода в СССР имеет важное значение для дальнейшего развития теоретической мысли в современной России. Оно, в частности, предостерегает от избыточного усложнения и недостаточной чёткости аналитических схем, что снижает их прогностическую и объяснительную ценность. Кроме того, системный подход формирует интеллектуальную альтернативу ряду преобладающих в отечественной науке теоретических направлений. В первую очередь, он противостоит эссенциалистским концепциям, которые приписывают государствам фиксированный набор неизменных характеристик, детерминирующих их внешнюю политику.

Об авторе:

Игорь Александрович Истомин — кандидат политических наук, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. 1194545, Москва, проспект Вернадского, 76
iaistomin@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327(470+571):329.15+001.891+316.75

Received: December 26, 2024

Accepted: February 15, 2025

Systems Approach in the Soviet IR Theory: The Sources and Consequences of a Tacit Scientific Revolution

 I.A. Istomin

[DOI 10.24833/2071-8160-2025-1-100-66-99](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2025-1-100-66-99)

MGIMO University

Abstract: This article examines the intellectual foundations, rationale, and evolution of the systemic approach in Soviet international relations (IR) theory throughout the 1970s and 1980s. This topic has gained increasing relevance in contemporary debates on the theoretical foundations of Russian international political thought. The study demonstrates that the emergence of the systemic approach was a response to the theoretical anomalies encountered by Marxism-Leninism in explaining global developments following the Second World War. The weakening of inter-imperialist struggles, the persistence of capitalism, and the growing contradictions within the socialist bloc posed significant challenges to Marxist-Leninist explanatory frameworks. The transformation of the dominant paradigm into an ideological dogma did not prevent a scientific revolution; however, this transformation occurred covertly, with radical revisions masked as superficial reinterpretations of doctrine.

The systemic approach in Soviet IR rested on three principal intellectual foundations: the reinterpretation of Marxist-Leninist tenets, engagement with Western—primarily Realist—theories, and the incorporation of terminology from general systems theory. Elgiz Pozdnyakov and Mark Khrustalev played a central role in its development. To navigate ideological constraints, these theorists maintained a high level of abstraction in their analytical framework, thereby avoiding explicit accusations of ideological deviation. Despite these constraints, they developed an original theoretical model that, in some respects, anticipated later insights in Western scholarship. However, its limited influence on applied policy analysis and official Soviet discourse in the 1980s suggests that the systemic approach produced non-trivial conclusions that were politically inconvenient.

Keywords: systemic approach, Marxism-Leninism, IR Theory, USSR, foreign policy, Imperialism, struggle for peace

About the author:

Igor A. Istomin — Cand. Science (Political), Head of the Department of Applied Analysis of International Problems, MGIMO University, 76, Vernadskogo avenue, Moscow, 119454, Russian Federation

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bertalanffy L. von. 1968. *General System Theory: Foundations, Development, Applications*. New York: George Braziller. 295 p.
- Cox R. W. 1981. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium*. 10(2). P. 126–155.
- Giddens A. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press. 402 p.
- Gilpin R. 1981. *War and Change in International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Hobson J. A. 1902. *Imperialism: A Study*. London: James Nisbet & Co. 420 p.
- Kaplan M. A. 1957. *System and Process in International Politics*. New York: John Wiley and Sons. 318 p.
- McClelland C. A. 1968. *Theory and the International System*. London: Macmillan. 354 p.
- Modelski G. 1962. *Comparative International Systems*. *World Politics*. 14(4). P. 662–674.
- Moravcsik A. 1997. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International Organization*. 51(4). P. 513–553.
- Morgenthau H. 1948. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf. 668 p.
- Nye Jr J. S., Keohane R. O. 1971. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. 25(3). P. 329–349.
- Ruggie J. G. 1983. Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis. *World Politics*. 35(2). P. 261–285.
- Shen Z., Xia Y. 2015. *Mao and the Sino-Soviet Partnership, 1945–1959: A New History*. Lexington Books. 391 p.
- Waltz K. 1979. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill. 251 p.
- Wendt A. E. 1987. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*. 41(3). P. 335–370.
- Berdyaev N.A. 1990. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka. 220 p. (In Russian)
- Blauberger I.V., Yudin E.G. 1973. *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and Essence of the System Approach]. Moscow: Nauka. 270 p. (In Russian)
- Bogaturov A. D. 2000. Desyat' let paradigmy osvoeniya [Ten Years of the Paradigm of Development]. *Pro et contra*. 5(1). P. 195–201. (In Russian)
- Bogaturov A.D. 2019. *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. Opyat razdeleny mir* [Systemic History of International Relations. Another Divided World]. Moscow. 362 p. (In Russian)

- Bogdanov A.A. 1917. *Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (tektologiya)* [Universal Organizational Science (Tektology)]. Saint Petersburg: M.I. Semenov. 255 p. (In Russian)
- Bukharin N.I. 1918. *Mirovye khozyaystvo i imperializm (ekonomicheskiy ocherk)* [World Economy and Imperialism (Economic Essay)]. Petrograd: Priboy. 115 p. (In Russian)
- Degtereva D. A., Istomina I. A. 2015. *Sistemnoe modelirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy* [System Modeling of International Relations]. *World Economy and International Relations*. №11. P. 17–30. (In Russian)
- Dugin A.G. 1997. *Osnovy geopolitiki* [Foundations of Geopolitics]. Moscow. 599 p. (In Russian)
- Emelyanova E. N. 2018. *Politika bolshevistskogo rukovodstva po otnosheniyu k Germanii (1918–1919)* [The Policy of the Bolshevik Leadership Towards Germany (1918–1919)]. *Nauchnyi dialog*. №4. P. 227–239. (In Russian)
- Engels F. 1937. *Proiskhozhdeniye semyi, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow: Partizdat. 87 p. (In Russian).
- Engels F. 1966. *Pismo V. Borgiusu, 25.01.1894* [Letter to V. Borgius, January 25, 1894]. *Marx K., Engels F. Sochinenii. T. 39* [Works. Vol. 39]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury. P. 174–175. (In Russian)
- Engels F. 1974. *Predislovie k nemetskomu izdaniyu 1883 goda* [Preface to the German Edition of 1883]. Marx K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii*. Moscow: Politizdat. 255 p. (In Russian)
- Gantman V. I. (ed.). 1976. *Sovremennyye burzhuaznyye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: Kriticheskii analiz* [Modern Bourgeois Theories of International Relations: A Critical Analysis]. Moscow: Nauka. 486 p. (In Russian)
- Gantman V. I. (ed.). 1984. *Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy* [System, Structure, and Process of the Development of Modern International Relations]. Moscow: Nauka. 422 p. (In Russian)
- Cherkasov P. 2016. *IMEMO: Ocherk istorii* [IMEMO: A Historical Essay]. Moscow: Ves mir. 870 p. (In Russian)
- Gvishiani D.M. 2023. *Mosty v budushchee: O zarozhdenii sistemnogo analiza i proryve v predstavleniyakh o nauche i praktike upravleniya v SSSR* [Bridges to the Future: On the Emergence of System Analysis and a Breakthrough in the Perception of Science and Management Practice in the USSR]. Moscow: LENAND. 333 p. (In Russian)
- Khrustalev M. A. 1984. *Osnovy teorii vneshney politiki gosudarstva* [Fundamentals of the Theory of Foreign Policy of the State]. Moscow: MGIMO. 80 p. (In Russian)
- Khrustalev M. A. 1987. *Sistemnoe modelirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy* [System Modeling of International Relations]. Moscow: MGIMO. 115 p. (In Russian)
- Khrustalev M. A. 2008. *Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza* [Analysis of International Situations and Political Expertise]. Moscow: NOFMO. 224 p. (In Russian)
- Khudolei K. K. 2018. *Evolutsiya idei mirovoi revolyutsii v politike Sovetskogo Soyuza (epokha Komintern i sotsializma v odnoi strane)* [The Evolution of the Idea of World Revolution in Soviet Policy (The Era of the Comintern and Socialism in One Country)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 10(2). P. 145–165. (In Russian)
- Kokoshin A.A. 1984. *SShA v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy 80-kh godov: Gegemonizm vo vneshney politike Vashingtona* [The USA in the International Relations System of the 1980s: Hegemonism in Washington's Foreign Policy]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 303 p. (In Russian)

Kosolapov N. A. et al. 2021. O popytke sozdaniia teorii mezhdunarodnykh otnoshenii v IMEMO v 1970-e gody [On the Attempt to Create a Theory of International Relations at IMEMO in the 1970s]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 65(4). P. 80–91. (In Russian)

Kuhn T.S. 2009. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST. 317 p. (In Russian)

Labetskii O. B. (ed.). 1975. *Sotsialisticheskie mezhdunarodnye otnosheniia i ikh kritiki* [Socialist International Relations and Their Critics]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 203 p. (In Russian)

Marx K. 1957. 18 brumera Lui Bonaparta [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte]. *Sochineniya. Izd. 2-e. Vol. 8*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 126 p. (In Russian)

Marx K. 1958. Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisey 1857–1858 godov) [Introduction (From the Economic Manuscripts of 1857–1858)]. *Sochineniya. 2nd Edition.. Vol. 12*. Moscow: Politizdat. (In Russian)

Marx K. 1935. *Klassovaya borba vo Frantsii s 1848 po 1850* [Class Struggles in France from 1848 to 1850]. Moscow: Partizdat TsK VKP(b). 159 p. (In Russian)

Mosolov V.G. 2010. *IMEL – tsitadel' partiynoy ortodoksii. Iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 1921–1956* [IMEL – The Citadel of Party Orthodoxy. From the History of the Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, 1921–1956]. Moscow: Novyy khronograf. (In Russian)

Popper K. 1983. *Logika nauchnogo issledovaniya. Logika i rost nauchnogo znaniya* [The Logic of Scientific Discovery. The Logic and Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: Progress. 565 p. (In Russian)

Pozdnyakov E.A. 1976. *Sistemnyy podkhod i mezhdunarodnye otnosheniya* [The System Approach and International Relations]. Moscow: Nauka. 157 p. (In Russian)

Podberezhkin A.I., Kharkevich M.V. 2015. *Mir i voyna v XXI veke: Opyt dolgosrochnogo prognozirovaniya razvitiya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Peace and War in the 21st Century: Experience of Long-Term Forecasting of the Development of International Relations]. Moscow: MGIMO. (In Russian)

Problemy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. 1969. *World Economy and International Relations*. №9. P. 88–106. (In Russian)

Problemy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. 1969. *World Economy and International Relations*. №11. P. 78–99. (In Russian)

Sadovskiy V.N. 1974. *Osnovaniya obshchey teorii sistem: Logiko-metodologicheskii analiz* [Foundations of General Systems Theory: Logical and Methodological Analysis]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Strezhneva M.V. 2020. Sistemnyi podkhod v mezhdunarodnykh issledovaniyakh: ob aktual'nosti teoreticheskogo naslediya Aleksandra Bogdanova [The System Approach in International Studies: On the Relevance of Alexander Bogdanov's Theoretical Legacy]. *Polis. Political Studies*. №4. P. 112–123. (In Russian)

Trubetskoy N.S. 2010. Ideokratia i proletariat [Trubetskoy N.S. *Izbrannoe* [Selected Works]]. Moscow: ROSSPEN. 616 p. (In Russian)

Tsygankov A.P. 2014. Rossiyskaya teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: kakoy yey byt? [Russian Theory of International Relations: What Should It Be?]. *Comparative Politics Russia*. 2(15). P. 65–83. (In Russian)

Tsygankov A.P. 2018. *Russkaya mezhdunarodnaya teoriya: Tri traditsii* [Russian International Theory: Three Traditions]. Moscow: Russcience. 332 p. (In Russian)

Tsygankov A.P., Tsygankov P. A. 2003. Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v Rossii: otchego ne speshat poavlyat'sya shkoly? [Theory of International Relations in Russia: Why Aren't Schools in a Hurry to Appear?] *International Trends*. 1(3). P. 104–116. (In Russian)

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. 2022. Globalnost i samobytnost v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Globalism and Uniqueness in International Relations Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 22(1). P. 7–16. (In Russian)

Tsygankov P.A. 2003. *Sistemnyi podkhod v analize mezhdunarodnykh situatsii* [System Approach in the Analysis of International Situations]. *International Trends*. 1.(1). P. 132–134. (In Russian)

Tsygankov P. A. 2013. Sistemnyi podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [System Approach in the Theory of International Relations]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. №5. P. 3–25. (In Russian)

Tsyburskiy V.L. 2007. *Ostrov Rossiya* [The Island Russia]. Moscow: ROSSPEN. 543 p. (In Russian)

Varga E.S. 1923. *Krizis mirovogo kapitalisticheskogo khozyaystva* [The Crisis of the World Capitalist Economy]. Petrograd: Gosudarstvennoe izdatelstvo. 126 p. (In Russian)

Varga E.S. 1946. *Izmeneniya v ekonomike kapitalizma v itoge Vtoroy mirovoy voyny* [Changes in the Capitalist Economy as a Result of World War II]. Moscow: OGIZ. 320 p. (In Russian)

Varga E.S. 1953. *Osnovnye voprosy ekonomiki i politiki imperializma (posle Vtoroy mirovoy voyny)* [Main Issues of the Economy and Politics of Imperialism (After World War II)]. Moscow: Politizdat. 576 p. (In Russian)

Varga E.S. 1957. *Osnovnye voprosy ekonomiki i politiki imperializma (posle Vtoroy mirovoy voyny)*. 2-e izd. [Main Issues of the Economy and Politics of Imperialism (After World War II), 2nd ed.]. Moscow: Politizdat. 548 p. (In Russian)

Varga E.S. 1974. *Nachalo obshchego krizisa kapitalizma. Izbrannye proizvedeniya* [The Beginning of the General Crisis of Capitalism. Selected Works]. Moscow: Nauka. 446 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бердяев Н.А. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука. 220 с.

Блауберг И.В., Юдин Э.Г. 1973. *Становление и сущность системного подхода*. Москва: Наука. 270 с.

Богданов А. А. 1917. *Всеобщая организационная наука (тектология)*. Санкт-Петербург: М.И. Семёнов. 255 с.

Богатуров А. Д. 2000. Десять лет парадигмы освоения. *Pro et contra*. 5(1). С. 195–201.

Богатуров А.Д. 2019. *Системная история международных отношений. Опять разделенный мир*. Москва. 362 с.

Бухарин Н. И. 1918. *Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк)*. Петроград: Прибой. 115 с.

Варга Е.С. 1923. *Кризис мирового капиталистического хозяйства*. Петроград: Государственное издательство. 126 с.

Варга Е.С. 1946. *Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны*. Москва: ОГИЗ. 320 с.

Варга Е.С. 1953. *Основные вопросы экономики и политики империализма (после Второй мировой войны)*. Москва: Политиздат. 576 с.

- Варга Е.С. 1957. *Основные вопросы экономики и политики империализма (после Второй мировой войны)*. 2-е изд. Москва: Политиздат. 548 с.
- Варга Е.С. 1974. *Начало общего кризиса капитализма. Избранные произведения*. Москва: Наука. 446 с.
- Гантман В. И. (отв. ред.). 1976. *Современные буржуазные теории международных отношений: Критический анализ*. Москва: Наука. 486 с.
- Гантман В. И. (отв. ред.). 1984. *Система, структура и процесс развития современных международных отношений*. Москва: Наука. 422 с.
- Гвишиани Д.М. 2023. *Мосты в будущее: О зарождении системного анализа и прорыве в представлениях о науке и практике управления в СССР...* Москва: ЛЕНАНД. 333 с.
- Детгерёва Д. А., Истомина И. А. 2015. Системное моделирование международных отношений. *Мировая экономика и международные отношения*. №11. С. 17–30.
- Дугин А. Г. 1997. *Основы геополитики*. Москва. 599 с.
- Емельянова Е. Н. 2018. Политика большевистского руководства по отношению к Германии (1918–1919 гг.). *Научный диалог*. №4. С. 227–239.
- Кокошин А.А. 1984. *США в системе международных отношений 80-х годов: Гегемонизм во внешней политике Вашингтона*. Москва: Международные отношения. 303 с.
- Косолапов Н. А. и др. 2021. О попытке создания теории международных отношений в ИМЭМО в 1970-е годы. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(4). С. 80–91.
- Кун Т.С. 2009. *Структура научных революций*. Москва: АСТ. 317 с.
- Лабеецкий О.Б. (ред.). 1975. *Социалистические международные отношения и их критики*. М.: Международные отношения. 203 с.
- Лункин Р. Н. и др. 2023. Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Часть 2. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 16(4). С. 422–444.
- Маркс К. 1935. *Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850*. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б). 159 с.
- Маркс К. 1957. 18 брюмера Луи Бонапарта. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 8. М.: Гос. изд. полит. литературы. 126 с.
- Маркс К. 1958. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов). *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 12. Москва: Политиздат.
- Мосолов В. Г. 2010. *ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии. Из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956*. Москва: Новый хронограф.
- Поппер К. 1983. *Логика научного исследования. Логика и рост научного знания*. Москва: Прогресс. 565 с.
- Поздняков Э.А. 1976. *Системный подход и международные отношения*. М.: Наука. 157 с.
- Подберезкин А. И., Харкевич М. В. 2015. *Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений*. Москва: МГИМО.
- Проблемы теории международных отношений. 1969. *Мировая экономика и международные отношения*. №9. С. 88–106.
- Проблемы теории международных отношений. 1969. *Мировая экономика и международные отношения*. №11. С. 78–99.
- Садовский В.Н. 1974. *Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ*. Москва: Наука.

Стрежнева М.В. 2020. Системный подход в международных исследованиях: об актуальности теоретического наследия Александра Богданова. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 112–123.

Трубецкой Н.С. 2010. Идеократия и пролетариат. *Трубецкой Н.С. Избранное*. Москва: РОССПЭН. 616 с.

Хрусталёв М.А. 1984. *Основы теории внешней политики государства*. Москва: МГИМО. 80 с.

Хрусталёв М.А. 1987. *Системное моделирование международных отношений*. Москва: МГИМО. 115 с.

Хрусталев М. А. 2006. Две ветви ТМО в России. *Международные процессы*. 4(2). С. 119–128.

Хрусталёв М.А. 2008. *Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза*. Москва: НОФМО. 224 с.

Худoley К.К. 2018. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 10(2). С. 145–165.

Цыганков А.П. 2014. Российская теория международных отношений: какой ей быть? *Сравнительная политика*. 2(15). С. 65–83.

Цыганков А.П. 2018. *Русская международная теория: три традиции*. Москва: Руссайд-енс. 332 с.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2003. Теория международных отношений в России: отчего не спешат появляться школы? *Международные процессы*. 1(3). С. 104–116.

Цыганков А.П., Цыганков П.А. 2022. Глобальность и самобытность в теории международных отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 22(1). С. 7–16.

Цыганков П.А. 2003. Системный подход в анализе международных ситуаций. *Международные процессы*. 1(1). С. 132–134.

Цыганков П.А. 2013. Системный подход в теории международных отношений. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. №5. С. 3–25.

Цымбурский В.Л. 2007. *Остров Россия*. РОССПЭН. 543 с.

Черкасов П. 2016. *ИМЭМО: Очерк истории*. Москва: Весь мир. 870 с.

Энгельс Ф. 1937. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. Москва: Партиздат. 87 с.

Энгельс Ф. 1966. Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 г. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Т. 39. Москва: Издательство политической литературы. С. 174–175

Энгельс Ф. 1974. Предисловие к немецкому изданию 1883 года. *Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии*. Москва: Политиздат. 255 с.